

Оба они ступили в деревню, и в это время крестьяне как раз один за другим направлялись к полям и огородам.

Увидев, что Чу Сюэвэнь поддерживает какого-то мужчину сплошь в ранах, праздные зеваки тут же окружили их.

— Сюэвэнь, это кто? — один из крестьян, щурясь против Хань Фэна, принялся разглядывать незнакомца.

Хань Фэн изо всех сил сдержал импульс злобно зыркнуть в ответ. Сейчас он был тяжело ранен, и если оскорбить этих людей, его спутнику, пожалуй, придется несладко.

Поэтому он через силу, преодолевая слабость, проговорил:

— Зовите меня Хань Фэн. Я торговец, в пути столкнулся с разбойниками и долго убегал от них, а потом случайно сорвался с обрыва. Теперь я тяжело ранен, и к тому же пострадало лицо. К счастью, брат Сюэвэнь проявил благородство и спас меня, так что, боюсь, мне придется потеснить вас всех на какое-то время.

Крестьяне увидели, что он ведет себя вежливо и учтиво, и не стали чинить ему препятствий, лишь отмахнулись, показывая, что всё в порядке.

После этого они разошлись по своим делам и продолжили работу.

Чу Сюэвэнь мысленно подивился: этот человек не только хорош собой, но и голос у него до того приятный и мелодичный.

Оказавшись в доме Чу Сюэвэня, Хань Фэн воочию узнал, что такое пустые, голые стены.

Небольшой дворик вмещал в себя лишь одну жилую комнату, кухню да крошечный палисадник.

Посреди двора стояли каменный стол и две табуретки, и больше ничего не было.

Чу Сюэвэнь помог Хань Фэну войти внутрь. Комната тоже выглядела крайне скромно: кровать, небольшой шкаф, а в дальнем углу — старый письменный стол, на котором аккуратно лежали четыре драгоценности ученого, в то время как стоящий рядом книжный шкаф был битком забит томами.

Хотя жилище было убогим, в нем царила идеальная чистота, и это обстоятельство приятно согрело душу Хань Фэна.

Усадив Хань Фэна на стул, хозяин с виноватым видом произнес:

— У меня всамделишная лачуга бедняка, не суди строго, Хань Фэн.

Хань Фэн снял маску и тихо ответил:

— Сюэвэнь излишне вежлив, здесь очень хорошо. К тому же я еще не отблагодарил тебя за спасение жизни, как я могу чем-то быть недоволен? Скажи, есть ли у тебя еще кто-нибудь из домашних? Мне следовало бы выразить им свое почтение.

Чу Сюэвэнь подошел к шкафу в поисках одежды, на его лице промелькнула тень грусти, и он тихо промолвил:

— Мои родители давно умерли, в доме я живу один, так что располагайся здесь безо всяких тревог. Посиди пока минутку, я пойду вскипячу воды, чтобы промыть твои раны.

Услышав это, Хань Фэн почувствовал укол жалости в сердце. Восемь или девять из десяти дел в жизни идут наперекосяк, и он прекрасно знал, как горько приходится детям, лишенным родительской защиты, ведь он сам был одним из них.

— Хорошо, большое спасибо.

Чу Сюэвэнь принес горячей воды и принялся обрабатывать раны Хань Фэна. Вся его щека покраснелась, когда он застенчиво произнес:

— Переоденься скорее в сухое, только мои вещи — самые простые, грубого холста, не знаю, привыкнешь ли ты к таким.

Напомненный Чу Сюэвэнем, Хань Фэн заметил, что его собственная одежда, хоть и испачкана кровью и изрезана ножами, сшита из превосходнейшей ткани. Замысловатый узор на ней источал ощущение благородства и величия.

Похоже, происхождение прежнего владельца этого тела было далеко не простым, остается лишь гадать, кто же его сгубил.

Он мысленно усмехнулся: ох, раз уж это тело теперь принадлежит мне, то за твою месть я возьмусь.

— Сюэвэнь может не беспокоиться об этом. Я самый обычный человек, так что непривычно мне не будет.

С помощью Чу Сюэвэня он сбросил одеяние, насквозь пропитанное кровью и грязью.

— Ох! — Чу Сюэвэнь невольно ахнул, увидев его раны: глубокие порезы, сквозь которые виднелись кости, выглядели поистине жутко.

Судя по всему, из-за того, что раны побывали в воде и в них набился песок, они теперь сильно покраснели и распухли.

Получить такие страшные увечья и при этом быть способным идти так далеко, словно ничего не случилось — это казалось Чу Сюэвэню просто невероятным.

— Пожалуй, я позову дядю Линя взглянуть на это, раны слишком глубокие.

Чу Сюэвэнь уже собирался поспешно выбежать наружу, но спутник схватил его за руку и остановил:

— Не нужно. Я знаю, что делать, Сюэвэнь, не тревожься. Будь добр, принеси мне немного соли или крепкого вина, а еще раздобудь кинжал и чистые полоски ткани.

— Хорошо. — С этими словами он торопливо вышел на поиски того, что просили.

Вскоре Чу Сюэвэнь принес всё, о чем говорил Хань Фэн. Тот высыпал соль в воду и принялся не спеша промывать свои раны горячим соляным раствором.

Затем он попросил Чу Сюэвэня разжечь огонь, простерилизовал на нем кинжал, аккуратно срезал сгнившее, загноившееся мясо вокруг ран и еще раз обработал всё крепким вином.

Чу Сюэвэнь смотрел, как тот сам режет себя по живому, а потом заливает раны алкоголем, не сдвинув при этом и бровей, и в душе его поднялась жгучая волна восхищения.

В конце концов, с помощью Чу Сюэвэня, все ранения были аккуратно перевязаны.

— Разве можно обойтись совсем без целебных мазей? — с сомнением спросил Чу Сюэвэнь.

— Мм, спасибо тебе, — вежливо поблагодарил Хань Фэн.

— Не стоит благодарности. Отдыхай здесь спокойно, а я пойду приготовлю поесть. — Чу Сюэвэнь помог ему лечь на топчан и тут же вышел стряпать.

В мыслях он уже вынашивал планы: как только удастся продать каллиграфию и картины, непременно нужно будет купить Хань Фэну лекарств для заживления ран.

Хань Фэн больше не церемонился, так как в этот момент и впрямь чувствовал себя донельзя голодным и уставшим.

Устроившись на постели, он закрыл глаза и погрузился в медитацию. По мере того как лекарство в его теле постепенно рассасывалось, Хань Фэн почувствовал, как по меридианам разливается поток тепла, оказывающий целебное воздействие на его раны.

Словно что-то вспомнив, он торопливо сел, подража S героям из телесериалов, закрыл глаза, выровнял дыхание и попытался сдвинуть с места внутреннюю энергию.

Он отчетливо ощутил, как слабое движение ци струится внутри тела, подобно тонкому ручейку, стекающему к поврежденным местам.

Сосредоточив разум и успокоив мысли, он направил эту внутреннюю энергию так, чтобы она закружилась вокруг ран, словно мягкое, исцеляющее касание.

По мере того как ци циркулировала, он ощущал приятное тепло в местах ранений, и боль постепенно утихала.

Он продолжал упорно управлять потоком внутренней силы, заставляя ее проникать в самую глубь ран для восстановления поврежденных тканей.

Лоб Хань Фэна покрылся мелкими капельками пота, но выражение лица стало еще более твердым и решительным.

Он знал, что пробует исцелиться внутренней энергией впервые в жизни, а потому должен выложиться без остатка.

Время шло секунда за секундой, и наконец Хань Фэн медленно открыл глаза, шумно выдохнув.

Он чувствовал, что раны больше не саднят так сильно, да и тело обрело прежнюю силу.

Эта успешная попытка подарила ему совершенно новый взгляд на древнее боевое искусство внутренней энергии.

Похоже, прежний хозяин этого тела был выдающейся и могущественной персоной, раз уж его сумели подло загнать в ловушку.

Как только Хань Фэн завершил практику цигун, в комнату как раз вошел Чу Сюэвэнь, неся еду.

— Хань Фэн, отдохни немного, отведай пищу. Правда, семья моя бедна, угостить тебя по-

настоящему вкусным мне нечем. — Чу Сюэвэнь проводил Хань Фэна к столу и помог усесться.

Глянув на стол, Хань Фэн увидел лишь две пиалы жидкой рисовой каши, блюдечко с солеными овощами да одно вареное яйцо.

Чу Сюэвэнь аккуратно очистил яйцо от скорлупы и положил его в пиалу Хань Фэну. Лицо его порозовело, и он тихо произнес:

— Завтра я продам свиток с письменами и картиной, и тогда смогу купить для Хань Фэна что-нибудь укрепляющее силы.

— Сюэвэнь может не утруждаться подобным, и так всё прекрасно. — В сердце Хань Фэна поневоле шевельнулась теплая симпатия к этому парню: этот книжник оказался на редкость добрым человеком.

— Съешь яйцо сам. — Он подвинул яйцо из своей пиалы обратно к Чу Сюэвэню.

Тот поспешно замахал руками:

— Нет-нет, ты тяжело ранен, тебе нужно как следует подкрепиться и восстановить здоровье.

Пока они препирались и перекладывали еду друг другу, яйцо со стуком скатилось на пол.

Хань Фэн проявил молниеносную реакцию и протянул руку, чтобы поймать его. Хотя яйцо и оказалось зажато в кулаке, из-за резкого движения он потревожил раны и тут же скривился от пронзительной боли.

Заметив это, Чу Сюэвэнь испуганно бросился к нему и с тревогой на лице зачастил:

— Ты в порядке? Во всем виноват я, нечего было с тобой спорить.

Хань Фэн покачал головой, показывая, что всё хорошо, а на душе у него разлилось странное, незнакомое прежде тепло: этот человек, с которым они едва познакомились, казался весьма неплохим малым.

На сей раз Хань Фэн больше не стал отказываться и съел яйцо. Затем он выпил пиалу жидкой каши, в которой едва плавали несколько рисовых зерен, и мгновенно почувствовал, как в животе разлилось приятное тепло и сытость.